

бы » (159). Неслучайно, подстрочное примѣчаніе, въ которомъ о. Левъ обѣщаетъ перейти къ р е л и г і о з н о м у изслѣдованію христіанства, связано съ этими словами. Религіозное изслѣдованіе, какъ оно предносится о. Льву, есть свидѣтельство вѣры. Для каждаго изъ насъ исповѣдуемая имъ вѣра Церкви, есть и его личная вѣра. Въ книгѣ о. Льва это личное отношеніе ко Христу и дѣйствуетъ на читателя съ силою, тѣмъ болѣе неотразимою, чѣмъ болѣе о. Левъ старается его заглушить. Значеніе свидѣтельства — о неизреченной тайнѣ Боговоплощенія — получаетъ въ книгѣ отца Льва и тотъ фактъ, что авторъ вышелъ изъ рамокъ, которыя самъ себѣ поставилъ.

Но книга имѣетъ положительное значеніе и въ той мѣрѣ, въ какой задача автора получила разрѣшеніе. Своими положительными достиженіями работа о. Льва показываетъ христіанскому читателю область, доступную изслѣдованію историка. Это — область критики текста, историко-литературнаго введенія, изученія и толкованія отдѣльных Евангелій, изслѣдованія частныхъ вопросовъ, собранія по камнямъ того матеріала, изъ котораго «Жизнь Иисуса» строиться должна, но построена никогда не будетъ.

Игуменъ К а с с і а н ъ (Безобразовъ).

Broder Christensen: Der neue Gott. 1934.

Въ переживаемую нами эпоху религіознаго кризиса въ христіанствѣ, достигшаго особенной остроты въ протестантизмѣ, заслуживаютъ вниманія всѣ серьезныя попытки выяснить его подлинный смыслъ и обнажить его глубочайшіе корни. Къ числу такихъ попытокъ слѣдуетъ отнести блестяще написанную книгу *Бродера Христіанина* о «Новомъ Богѣ», въ которой этотъ философъ извѣстный преимущественно своими трудами по эстетикѣ (*Philosophie der Kunst* 1909; *Die Kunst* 1930) строитъ религіозно-философскую теорію на антропологической основѣ. Точнѣе говоря: онъ выводитъ эту теорію изъ развиваемаго имъ ученія о волевой жизни человѣка. Основнымъ стремленіемъ (*Grundtrieb*) человѣка Х. признаетъ *жизненный инстинктъ* (*Lebenswille*). У человѣка этотъ инстинктъ въ отличіе отъ животныхъ, которыя, конечно, тоже имъ обладаютъ, направленъ не только на самосохраненіе, но кромѣ того и на удовлетвореніе потребностей высшаго рода (*Plusbedürfnisse*), служащихъ обогащенію жизни и повышенію жизненнаго уровня. Въ области жизненнаго инстинкта въ этомъ расширенномъ его значеніи, обнимающемъ сверхъ инстинкта самосохраненія въ узкомъ смыслѣ «добавочныя потребности» разнаго рода, Х. различаетъ двѣ формы: естественно-непроизвольныя (*das Wuechsige*) и искусственно-намѣренныя (*das Gemachte*) его проявленія наблюдаемыя въ разныхъ сферахъ человѣческой жизни. Такъ *вниманіе* бываетъ естественно-непроизвольнымъ и сознательно-намѣреннымъ, причемъ вторая его форма рѣзко отличается отъ первой тѣмъ, что требуетъ напряженія и связана съ утомленіемъ. Въ сферахъ нашихъ *представленій* ярко выдѣляются двѣ группы: *интуиціи* непроизвольно возникающія въ насъ и *понятія* намѣренно нами создаваемыя. Въ эмоциональной душевной жизни надо различать естественныя *чувства* отъ суррогатовъ таковыхъ, безъ которыхъ, напримѣръ, искусство актера исполняющаго роль въ драмѣ было бы невозможнымъ. Далѣе: наши *сужденія* либо коренятся въ живой вѣ-

рѣ и непосредственныхъ твердыхъ убѣжденіяхъ; либо основаны на болѣе или менѣе произвольно дѣлаемыхъ нами предположеніяхъ и допущеніяхъ. То же самое различіе замѣчается и въ *волевымъ актахъ*, которые отличаются либо инстинктивнымъ либо сознательно намѣреннымъ характеромъ. Расширяя такимъ образомъ понятіе жизненнаго инстинкта X. включаетъ въ него разумную волю и нравственную, творческую и научную дѣятельность человѣка, поскольку она въ немъ имѣетъ достаточное основаніе и изъ него безъ натяжекъ объяснима.

Но жизненный инстинктъ (*Lebenswille*) по мнѣнію Христіансена не исчерпываетъ внутренней сущности человѣка. Наряду съ нимъ человѣкъ обладаетъ другимъ основнымъ стремленіемъ, для обозначенія котораго психологическая наука до сихъ поръ непонятнымъ образомъ даже не создала опредѣленнаго термина. А между тѣмъ мы сплошь да рядомъ наталкиваемся на человѣческія дѣйствія не только не вытекающія изъ жизненнаго инстинкта, но даже явно ему противорѣчащія. Сюда относятся факты такого рода: человѣкъ съ опасностью для собственной жизни спасаетъ ребенка изъ горящаго дома; горсть отважныхъ людей предпринимаетъ экспедицію въ неизслѣдованныя области; солдатъ умираетъ въ битвѣ, не выпуская изъ рукъ знамени, офицеръ жертвуетъ жизнью за честь полка; капитанъ погибаетъ съ тонущими кораблемъ, хотя онъ могъ бы спастись; художникъ осуществляетъ свой творческій замыселъ, зная напередъ, что современники не оценятъ его произведенія; ученый посвящаетъ свою жизнь открытію истинъ, отъ которыхъ онъ не можетъ ждать практической пользы. Если признать основнымъ рычагомъ всей человѣческой дѣятельности одинъ лишь жизненный инстинктъ, то подобныя дѣйствія совершенны необъяснимы и должны казаться принципиально нелѣпыми. Но факты остаются фактами, и, если они не выводимы изъ общепринятыхъ началъ, то возникаетъ вопросъ, нѣтъ ли пробѣловъ въ нашемъ знаніи. Христіансенъ утверждаетъ, что это именно такъ и есть. Факты, о которыхъ идетъ рѣчь, объясняются имъ изъ наличности въ насъ «*иного*» стремленія называемаго имъ «*демонической волей*», которая является источникомъ всѣхъ *героическихъ* актовъ. Хотя автору и не удалось вполне раскрыть внутренней сущности этого основного стремленія, онъ все же убѣдительно указалъ на характерное коренное свойство опредѣленныхъ волевыхъ актовъ, свидѣтельствующее объ ихъ происхожденіи изъ этого источника, а именно на присущее имъ *двойственное* отношеніе къ жизни одновременно утвердительное и отрицательное. Правда существуютъ два направленія въ современной мысли, которыя, будучи по существу рѣзко противоположными, сходятся именно въ томъ, что оба отрицаютъ наличность или по меньшей мѣрѣ дѣйственность «демонической воли» въ человѣкѣ: *историческій материализмъ* и *діалектическое богословіе*. Но какъ разъ въ этомъ общемъ имъ взглядѣ объ теоріи по справедливому замѣчанію автора опровергаются неоспоримыми фактами.

Основываясь на противоположности указанныхъ двухъ коренныхъ стремленій, Христіансенъ на этомъ антропологическомъ фундаментѣ строитъ *религіозно-философскую теорію*, составляющую центральную тему его книги. Какъ жизненный инстинктъ такъ и демоническая воля обладаютъ творческой способностью, которая проявляется въ конечномъ итогѣ въ созданіи сверхъестественнаго міра, причѣмъ каждое изъ этихъ стремленій является источникомъ особаго типа религіознаго міросозерцанія и своеобразной формы трансцендентности. Въ исторически сложившихся рели-

гіяхъ челоуѣчества оба типа релігіознаго творчества несмотря на свою проитвоположность зачастую сосуществуютъ. Задачу современной эпохи авторъ полагаетъ въ ихъ разъединеніи, которое онъ признаетъ освобожденіемъ высшаго релігіознаго типа отъ связывающихъ его узъ низшаго. Христіансенъ пытается охарактеризовать эти типы релігіознаго міросозерпанія въ общихъ чертахъ, пользуясь для разъясненія своей мысли образомъ повидимому подсказаннымъ ему философіей Шопенгауера. Шопенгауеръ уподобилъ челоуѣческой умъ факелу указывающему волевому стремленію его ближайшія цѣли и освѣщающему ему путь. По Христіансену умъ возбуждаемый жизненнымъ инстинктомъ ставитъ вопросы и даетъ на нихъ отвѣты, давая тѣмъ основному стремленію челоуѣка сознательное направленіе требуемое его существеннымъ характеромъ. Но не на всякій вопросъ умъ находитъ отвѣтъ. Есть вопросы остающіеся безъ отвѣта, проблемы неразрѣшимыя, къ числу которыхъ прежде всего надо отнести *проблему смерти*. Непроницаемый для умственного взора мракъ несуществованія невыносимъ для жизненнаго инстинкта и поэтому вызываетъ въ челоуѣкѣ предметный страхъ (Angst), подъ вліяніемъ котораго его мысль и воображеніе стремятся всячески разсѣять тьму невѣдомаго, творчески замѣщая ее потустороннимъ міромъ. Этотъ созданный жизненнымъ инстинктомъ сверхчувственный міръ получаетъ у Христіансена не особенно удачное названіе «царства Н Е» (das Reich des UN), т. е. царства *Непознаваемаго, Непостижимаго* (das Unfassbare, Unerforschliche). Христіансенъ утверждаетъ, что эта форма релігіознаго творчества, получившая яркое выраженіе въ разнообразныхъ релігіозныхъ мифахъ, испытываетъ процессъ разложенія, который вскорѣ будетъ законченъ. По мѣрѣ того какъ наука тоже служащая жизненному инстинкту прогрессируетъ и челоуѣческая мысль снимаетъ покровы съ природныхъ тайнъ, царство боговъ порожденное страхомъ неизвѣстнаго неизбѣжно должно исчезнуть. Но помимо этого съ развитіемъ челоуѣческаго духа меркнушаго царства изъ героическихъ стремленій челоуѣка вырастаетъ иное царство, созданное демонической волей и превышающее сферу природно-естественной жизни. Въ зачаточномъ видѣ оно по мнѣнію автора заложено во всѣхъ большихъ релігіяхъ челоуѣчества, но въ чистой и законченной формѣ выявится только послѣ освобожденія отъ примѣси исчезающаго царства UN. Христіансенъ думаетъ, что релігія будущаго возможна исключительно въ этой формѣ. Съ этой точки зрѣнія онъ производитъ оцѣнку и *христіанства* въ его современномъ исторически сложившемся обликѣ и считаетъ его жизнеспособность всецѣло зависящей отъ его дальнѣйшей эволюціи въ указанномъ направленіи. Въ христіанствѣ Христіансенъ старается установить наличность обѣихъ различаемыхъ имъ основныхъ релігіозныхъ формъ. Онъ отмѣчаетъ двойственность христіанства уже въ самомъ центральномъ понятіи Бога. Христіанскій Богъ съ одной стороны является безконечно насъ превосходящимъ и для насъ вполне недостижимымъ всевѣдующимъ, всемогущимъ и всеблагимъ личнымъ существомъ, къ которому мы обращаемся въ молитвѣ и милостью котораго мы надѣемся обрѣсти вѣчное блаженство представляемое нами въ формахъ нашей земной жизни, но безъ ея несовершенствъ. Съ другой стороны христіанство мыслитъ Бога достижимаго для насъ силою нашей безкорыстной любви. Достигая его, мы становимся причастными не будущаго, а настоящаго блаженства въ томъ самомъ актѣ, которымъ мы сами себя обожествляемъ, разрывая узы связы-

вающіе насъ съ земною жизнью. Вотъ зтотъ Богъ по мнѣнію автора и есть «новый богъ». А такъ какъ всякую подлинную реальность мы познаемъ исключительно въ *дѣйстви* — таковъ основной гносеологическій тезисъ автора явно коренящійся въ фиктианствѣ, — то и реальность «новаго бога» мы полагаемъ въ дѣйстви особаго рода: въ *героическомъ актѣ*. Подобно тому какъ наша обыденная дѣятельность порождаетъ общій всѣмъ людямъ реальный міръ чувственного опыта, такъ актами героизма осуществляется міръ сверхчувственного опыта какъ бытіе высшаго порядка: динамическая реальность «новаго бога» доступная, конечно, только лицамъ одержимымъ динамической волей. Но если это такъ, то зтотъ богъ оказывается созданіемъ человѣка и въ результатѣ религіозно-философской концепціи развиваемой авторомъ получается полное отождествленіе бога съ человѣкомъ-героемъ. Отсюда ясно, что богъ объявленный Христіансеномъ «новымъ» таковымъ признанъ быть не можетъ. Съ нимъ уже прекрасно ознакомилъ насъ Достоевскій, ярко освѣтившій его истинный обликъ. Зтотъ богъ никто другой какъ «человѣкобогъ», грезившійся изступленному воображенію Кириллова въ «Бѣсахъ». Едва ли приходится особенно настаивать на томъ, что идея человѣкобога въ корнѣ антихристіанская. Понимая христіанство какъ сочетаніе двухъ въ сущности непримиримыхъ формъ религіознаго сознанія, Христіансенъ проглядѣлъ самое существенное въ немъ: богочеловѣчество Христа. Указанный имъ выходъ изъ современнаго религіознаго кризиса отнюдь не является освобожденіемъ христіанства отъ элементовъ якобы не вмѣщаемыхъ сознаніемъ современнаго человѣчества, но отказомъ отъ самаго христіанства.

Но признавая теорію автора и въ особенности его толкованіе и оцѣнку христіанства несостоятельными, я тѣмъ не менѣе считаю его изслѣдованіе плодомъ искренняго и напряженнаго исканія религіозной истины и вижу заслугу его преимущественно въ томъ, что оно несомнѣнно содѣйствуетъ выясненію характера и причинъ религіознаго кризиса въ современномъ христіанскомъ человѣчествѣ.

Н. Б - овъ.